

Беглые книги

— Так, спокойно, здоровяк! Ты опускаешь пушку, и я опускаю пушку. На счет три. Раз... — Я начала считать, стараясь справиться со сбитым дыханием и ноющей болью в солнечном сплетении.

Того, кто в меня целился, я со спокойной душой могла назвать самой воплощенной удачей. Только она, родимая, по всей видимости, и удерживала вместе все то небольшое, что от него оставила жизнь в наших суровых краях.

— Два...

Мужчина передо мной, практически копируя мои собственные действия, стал медленно отводить дуло в сторону. По его увещьям я непроизвольно читала нехитрую для этих мест историю жизни. Ноги забрала зима. Может, потому что он от безденежья пошел в перегонку цистерн и обморозился, а может, потому что пьяным уснул на улице.

Я подняла другую руку, отдавая этим знак, что не держу второго ствола за спиной. Мой противник так сделать не мог. Левую руку у него, судя по культе и тавро на шее, забрала за долги местная бегунская банда (Красного Тая, если точно), а образовались эти долги, судя по его правой руке, из-за того, что фрезеровочный станок оттапал ему пару пальцев.

Но все-таки он скрипел, этот парень напротив меня. Все-таки мог еще сделать во мне пару лишних отверстий.

Я улыбнулась. Он тоже растянул губы, покрытые характерными для любителей местной крепкой браги струпьями. Зубы покинули свое пристанище не иначе как для того, чтобы самостоятельно найти себе щетку, но не преуспели и сгнули в пустошах. Правый же механический глаз покинул своего хозяина не по своей воле —

его заложили в ломбард давно, скорее всего уже обанкротившийся. И подручный хлам, изображавший из себя протез, останется, где есть навсегда. К счастью, левый глаз еще держался, и очень надеюсь, его та же судьба не постигнет, хотя парная механика и ценится выше.

Словом, пример этого механоида — отличная иллюстрация доброты судьбы. Это ведь сколько вторых шансов дал бедолаге наш дружный, гостеприимный край! И я собиралась дать ему еще один хороший шанс. В этот раз — на что-то большее, чем просто выживание.

Мы вложили пистолеты каждый в свою кобуру.

— Три!

Он выстрелил, но там, куда он целил, я пули ждать не стала. Всего одного продуманного заранее прыжка хватило, чтобы оказаться под надежным укрытием добротного, как и все оставшееся с прошлого мира, стола. Обожаю столы. Они, здесь, на фронтире, опора всего современного общества.

Прыгая, я задела хлам на столешнице, и на меня пролилось немного виски, немного водки и немного зеленого лимонада. Последний с тихим довольным шипением принялся проедать карты из разлетевшейся колоды, пока те, рассыпавшись у моих ног, обещали долгую дорогу, толстую кошку и перевернутый внутренний мир. Неплохой расклад, если вдуматься.

Грянул еще один выстрел.

— Не ферзь ты после этого, падла! — крикнула я, заправляя новые патроны в барабан.

За что я люблю серию древних библиотечных столов 78-78-AP-500, так это за бронированные пластины под столешницами. Вы, наверное, спросите, зачем под столешницами в читальном зале бронированные пластины? За тем, что опасная это штука — образование, господа. Опасная! В этом деле никогда не знаешь, кто и в кого может начать палить и почему.

Например, сейчас мы находились в вооруженном противостоянии потому, что мой новый знакомый счел слово «претенциозный» оскорблением, и да, это именно я не уследила за языком.

— А я тебе не ферзь, катьма! — крикнул мне однорукий завсегдай бражной дыры за углом.

Он хотел добавить еще что-то обидное, но не сообразил, что именно. Я его торопить не стала. Обижать на самом деле не так просто, как кажется, здесь нужна нехилая эрудиция, а сейчас его мозг решал и без того сложную для себя задачу: заставить меня выйти из укрытия он мог, приблизившись и пригрозив выстрелить в пустовавшее отверстие для пневмопочты, но, чтобы сделать это, ему требовалось покрутить колеса своей инвалидной коляски, а чтобы покрутить колеса — опустить на время пистолет, то есть дать мне время выйти из укрытия и застрелить его. По всему выходило, что мы с ним тут подзастряли. Ну, я никуда не спешила.

— Я же сказала! — крикнула я, взводя курок. — Я библиотекарша!

— Не каркай мне тут! Раскаркалась, катьма! Сама мне сказала, что охотница...

В наступившей паузе зажужжали его мозги, но я услышала и другое жужжание — стрекот перебора крошечных механических ножек. С их помощью моя сегодняшняя добыча и наш источник пропитания и топлива на ближайшие полтора месяца улепетывала из заброшенной библиотеки. Я встала и выстрелила на звук.

Преступная книга, мимо чьего переплета я промахнулась буквально на несколько сантиметров, дернулась в сторону и шлепнулась с книжного шкафа, где почувствовала себя в ложной безопасности. Оказавшись на полу, она, не переворачиваясь, выпустила все свои восемь механических ножек и метнулась к двери. Я выстрелила второй раз.

Теперь пуля вошла в пол как раз перед ней. Книга остановилась. Я знала, что она снова попытается убежать, и обычно в такие моменты чуть ли не вся охота зависит от того, угадаешь ли ты, в какую сторону бросится твоя добыча.

Я выстрелила и угадала. Книга поняла, что я могу читать ее движения, и замерла на месте. Я сняла с плеча самоходную книжную клетку и, осторожно следя за тем, чтобы не подставиться под огонь красавчика по ту сторону стола, опустила ее на пол.

Та, вышагивая с громким для книжных ножек постукиванием, направилась к задержанной книге. Я чувствовала, как книга вся обратилась во внимание, выслушивая и вынюхивая малейшие изменения в комнате вокруг нас, что позволили бы ей обратить ситуацию

в свою пользу. Книги-преступницы очень хитрые, и с ними отвлекаться нельзя, но и моя клетка свое дело знала.

— Я охотница за книгами, — бросила я через плечо наблюдавшему все это действо местному жителю, в добавок к прошлой логической проблеме никак не способного решить, во что тыкать дулом: в меня, в книгу или в клетку.

— Так охотница или книжница? — крикнул он в робкой надежде на выход из ситуации.

— Охотница за книгами.

— Зачем такое?

— А чтобы деньги твои не воровали! Не катьма я тебе, не шурши, — успокоила я его, выбравшись, сев на край стола и прикурив, не забывая держать в поле зрения присмирившую книгу. — Ты тут сидишь, как дундук на печи, и не знаешь ничего, что в мире творится, а в мире ручки такие изобрели, что пишешь ими в одном месте, а чернила в другом появляются. Вот, — я кивнула в сторону арестантки, — в таких книгах. Бухгалтера и воры так и пишут, что и где они украли.

Мужчина искренне рассмеялся:

— Какой дурак станет писать, что и где он украл? Может, ещё карту рисовать, где закопал добро-то свое? Это, — он постучал рукоятью пистолета себе по лбу, — в котле своем держать надо!

— А если ты украл столько, что всего не упомянуть? Ну-ка? Вот как народ в обжитых городах живет! Столько ворует, что сам уже путается! А аудиторам больших предприятий экземпляры эти ой как интересны! Платят за них хорошо! Ну а ты у нас, значит, кто? Бегун беглый?

— Да уж, мне теперь только и бегать, — рассмеялся хрипло мой невольный, во всех смыслах, собеседник и убрал пистолет, откатившись ближе к уставленному дешевым пойлом столу. Тот, к слову, тоже являлся библиотечным и тоже бронированным, как и все в старых библиотеках. — Кустарь я. Мастерю им по мелочи и продаю. На то и живу.

— Очень интересно. — Я поглубже села на стол, скрестила ноги и выпустила в его сторону дым. — А что сейчас читаешь?

— Что читаю?

— Ну, книгу какую читаешь, спрашиваю.

— Я дурак тебе, что ли, книги читать? У меня дел, по-твоему, нет? Книги ты знаешь кто читает? Я тебе скажу кто! Вот эти вот, кто столько ворует, что скоро рожа лопнет. Вот они, — начал он, растягивая слова, издевательски придавая им этим важности, — вечерами садятся и книги себе читают! А я — нормальный. Я честный механоид! Я мастерю своими руками реплики или спиливаю номера там, бляхи, стравливаю заводскую защиту и продаю все бегунам.

— ...и это — честно?

— Я живу своим трудом! И не читаю я твоих этих книжек!

— А если там внутри тавки голые? — поинтересовалась я.

— Врешь! Как голые?

Я прищурилась и, сунув пальцы в рот, свистнула сюда Шустрика. Шустрик — это мелкий дирижабль с загрузкой на одну-две книги. У нас с ним алгоритм отработан давно, и он прекрасно знает, с чем к нам тащиться.

Я приняла с его подставки том «Каталога музея изящного искусства и масляной живописи Восходящей Луны-города» (все, кто видят это название, шутят про то, что Луна — это город, хотя с формальной точки зрения так оно и есть). Руки у меня сами, с первого раза нашли, какую страницу открывать, и я показала «Утреннее купание». Огромную, на весь разворот, репродукцию известной картины, демонстрирующую столько обнаженных женских тел, что при первом знакомстве она всегда производит внушительное впечатление.

Однако сейчас никакого возгласа не последовало. Вместо этого я услышала смущенную просьбу, прозвучавшую из инвалидной коляски:

— Ты это... мне ее ближе поднеси. Хочу поддержать.

— Поддержать — только после записи в библиотеку, — резко ответила я, бросив еще один взгляд на клетку. Она уже захватила только сейчас решившуюся на «все или ничего» бросок к свободе книгу. Я выдохнула. Из наших клеток не убежишь.

— Ну-у... — протянул уступивший подмывавшему его желанию посмотреть на обнаженную натуру бегуний мастер, — отвернись тогда ненадолго.

Я отвернулась со спокойной душой. Сейчас мне с его стороны ничего не грозило. Такие, как он, делили мир на тех, в кого не стреляют, и тех, в кого всаживают пулю перед тем, как поздороваться. «Катьма», то есть охотник за головами, сдающий живыми или мертвыми бегунов службам собственной безопасности обосновавшихся на фронтире предприятий, — это те, в кого следовало стрелять.

А библиотекарша, получившая беговское слово убрать ствол, становилась в его глазах «фарной» — механоидом, для кого он сам теперь «ферзь», то есть тот, кто держит нерушимое слово. Чувство собственного достоинства представляло из себя на фронтире своего рода основу экономических и межличностных отношений, и на него следовало полагаться больше, чем на ствол, больше, чем на деньги, и уж всяко больше, чем на такую чушь, как законы.

Однако же обратимся к другому и куда более занимательному вопросу: зачем мастер, собственно, попросил меня отвернуться. Тут дело крылось в почти врожденной стеснительности бегунов к любой слабости. Так что сохранивший из всего комплекта конечностей одну только руку кустарь все равно стеснялся того, что носит очки.

— Все мелкие детали, понимаешь ли, я вижу хорошо, — оправдывался он, когда постыдная процедура завершилась и я повернулась назад, — мастер-то я добротный, не думай. Это вдали только пятна какие-то.

Он нагнулся, с интересом рассматривая картину, а потом поднял на меня испытывающий взгляд.

— И что, в этой книге еще такое есть?

— И много.

Он задумчиво хмыкнул.

— Сколько просишь?

Я рассмеялась. Книга, конечно, повидала многое, но это только поднимало ей цену. Она осталась аж с прошлого мира, когда город-космопорт «Восходящая Луна» еще не заснул, сжавшись до размеров одного кубовидного комка домов и улиц, а делал чуть ли не лучшие в мире иллюстрированные издания каталогов музейных коллекций. Как не трудно понять, стоила книга больше, чем все, что имелось у этого бедняги, считая его требуху.

Говорить я ему, конечно, этого не собиралась. Каждое испытание чужой чести жадностью — это не что иное, как очередной шаг по дороге в крематорий, а до него, всем известно, всегда остается неизвестно сколько. Возможно — всего один шаг. Так что вместо честного ответа я принялась вписывать книгу в одновременно простую, как одноколейка, и сложную, как все кости мира, систему ценностей, где и жил, и мыслил этот безногий мастер.

— Ну сказала же — я библиотечарша. Это значит, что книги я не продаю. Я тебе так дам.

— Как так?

— Ну так. Просто дам тебе. Бесплатно. Но — на время. Потом вернусь и заберу. Через месяц.

— Что, навсегда заберешь?

Мы встретились взглядами. Ясно, что он не собирался этого спрашивать. Даже такому дундуку на печи обычно с первого раза понятно, что, естественно, навсегда. Просто ему слишком понравилась картина. Такое бывает иногда — с первого взгляда и навсегда.

Нас прервал резкий звук со стороны клетки. Я обернулась. Преступная книга внутри вспыхнула разлапистым пламенем и принялась с энтузиазмом гореть.

Я, обезопасив каталог, бросилась к ней. Нашла запивку к водке. Залила огонь, как смогла, ругая себя за то, что на страницах теперь останется еще и сахар. Вытащила из клетки тлеющий том, попрыгала на нем, для того чтобы сбить огонь, нашла встроенную в корешок бомбу, выбросила ее обугленные остатки от греха и выдохнула.

Книга ужалила меня и вырвалась. Я выругалась и выстрелила.

Мы с клеткой уставились на умерщвленный том, и клетка, каждым своим движением выражая стыд за меня и, естественно, меня укоряя, направилась к останкам, чтобы все-таки закрыть их на всякий случай, если у книги вдруг два сердца. Я обернулась к однорукому, чтобы извиниться за сцену, и выяснила, что мне не стоило.

Бегуний кустарь в меня целился. За это время он наконец сладил со сбоящими мозгами, подкатил к столу, куда я в спешке положила каталог, и, забрав его на колени, метил мне в грудь. Неужели, падла, как-то понял, сколько это может стоить?

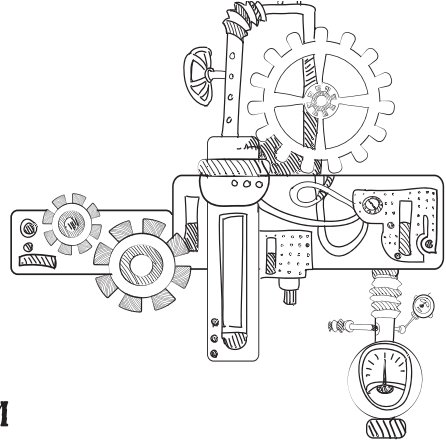

— Значит так, ты не бзди только, — предупредил меня он. — Но уговор такой — ты через месяц придешь и принесешь мне еще такого, но другого. Нового! Поняла?

Я улыбнулась, убрала револьвер в кобуру, перекинула сигаретку из одного уголка рта в другой и сказала:

— А вот для этого нужно записаться в нашу странствующую библиотеку, красавчик.

На пути преступлений

В тот момент, когда мир погиб в глобальном катаклизме, оставив на всей поверхности только горстку выживших, сложилась довольно правильная, на мой взгляд, ситуация — на каждого читателя в среднем приходилось по одной библиотеке. К сожалению, это совершенно не означало, что каждый уважающий себя механоид проводил время у настольной лампы, листая любимое издание классики. В реальности население занялось буквально чем угодно, кроме посещения ставших такими доступными книжных миров.

Как показала жизнь, предоставленные сами себе, библиотеки зажили немного не так, как это задумывалось при их постройке. Например, та, что я только покинула, годами использовалась то как склад, то как общая мастерская, то как сейчас — в качестве конклава кустарей и вольных мастеров, обслуживающих многочисленные местные банды и бегунов-гастролеров.

Что же до книг, то они выживали как могли: те, кто имел при себе ноги, перетаскивал себя и товарок в более безопасные места; те, кто остался, рано или поздно задумывались о том, чтобы предложить в обмен на заботу о своем состоянии буквально любые услуги рынку. Книжки-компаньоны в наших хранилищах работали на белом рынке услуг, а книги, становившиеся моими целями — черному.

Собственно, для того, чтобы найти книгу, согласную на хранение информации о двойной бухгалтерии на своих страницах, обязательно следовало понимать, что толкало на этот путь: нужда, страх, искреннее сочувствие к тем, кто пытается взять больше от этого

мира, ну и ощущение собственного права жить лучше. Разумеется, за счет других.

В любом случае это эгоцентричные и глубоко корыстные мотивы, и они плохо вязались с уровнем самопожертвования, только что продемонстрированным книгой, чьи скорбные останки покоились ныне на дне все еще крайне недовольной мною клетки. Книги... Они чем-то глубинно напоминают котов и знают о собственной ценности всегда немного больше, чем вы. Можете представить, чтобы какой-нибудь кот поджег себя, только чтобы его не прочли? Вот и я не могу.

Выбравшись на площадь, где остановилась наша странствующая библиотека, я, источая аромат горелой бумаги, обреченно прилегла в конец длинной очереди. Сегодня у нас стартовали классы для курсисток, так что очередь двигалась медленно и никого не следовало торопить.

— Ше, Люра! — позвала меня державшая за руку тянувшего ее вперед мальчика рыженькая воспитательница работного дома. — Спасибо за «То, как я стала лужей»! Квоуранн читает ее второй день! Первый раз ее вижу за книгой! Ты говорила, что есть второй том. Подготовишь?

— Да! — крикнула я. — Но его нужно заказывать из собрания Самоходной КиКи!

— Заказывай сейчас! Если Квоуранн опять заскучает, она может еще что-нибудь поджечь!

— Да считай, что уже сделано! Пошлем Шустрика!

Две ближайшие курсистки со мной поздоровались и поинтересовались моими делами. Я приветливо ответила, пожаловалась, получила несколько сочувственных советов, и разговор постепенно отвлекся от меня и сожженной книги, перекинувшись на одного парня. Рассказчица, прачка по профессии, в дни своей юности приложила его утюгом за слишком настойчивые ухаживания. Я слушала воспоминания, проверяя револьвер, ухмыляясь непонятливости ухажера и следя краем глаза, как стоит тент.

В летние деньки мы выносили легкие складные столы 3475-ПР-7343 на улицу, натягивая вокруг нашей старушки-библиотеки тент от рассеянных солнечных лучей и медленно опадающей из атмосферы пыли. Иногда столбы сами собой

кренились, и я завела привычку проверять их взглядом всякий раз, когда проходила мимо.

Сейчас все выглядело пасторально: наш механик и рулевой Оутнер в одной из своих любимых приталенных рубашек, отлично выглядевших под португеей и выдававших в нем бывшего бегуна, прохаживался вдоль навеса, проверяя, как все держится, и справляясь о настроении посетителей.

За столами сидели пара новых лиц и почти все наши завсегдатаи: мелкие исследователи, несколько писателей того или иного формата, дети старшего возраста, изгнанные из личных комнат для подготовки к переводным экзаменам, и с полдесятка ребят обоих полов, скрывающихся здесь от безумия окружающего мира. На работах и в жилых бараках таким спокойно читать не давали.

С нашей реставраторшей Дайри, чьи золотые кудряшки плясали на летнем ветерке, весьма почтительно разговаривал отставной артист, сейчас зарабатывающий чтением вслух на ковровой фабрике, ближе к обжитым землям. Не видящие в жизни ничего, кроме барака и станка, мастерицы платили ему вскладчину и хотя бы так узнавали мир. Он брал у нас до десятка книг за раз, честно оставляя залог и доплачивая за объем. Возвращал в срок, но что-то в его облике постоянно вызывало во мне чувство непонятной гадливости. Дайри же, добрая душа, всегда болтала с ним, сколько он хотел.

Тем временем история о приглашенном воздыхателе дошла до больницы, где его отказывались принимать из-за долгов и рассказчице пришлось за него заступиться. И тут меня отвлекли.

— Да будете вы двигаться или нет? Сколько можно! У меня тут назначено!

Примерно с этими, а может, и более грубыми словами некий господин провалил попытку прорваться через очередь.

— Ше, уважаемый! Могу ли помочь? — приветливо улыбнулась я, поворачиваясь к нему и вкладывая револьвер в кобуру так, чтобы у посетителя имелось достаточно времени его рассмотреть, но он оказался настолько занят собственной нежной персоной, что не обратил на мое оружие никакого внимания.

— Уберите этих ржавых клуш с моего пути, пожалуйста! Мне тут назначено, и я очень спешу.

— Можно мне с вами поговорить? Мне нужна помощь! — одновременно с ним заговорил мальчик лет одиннадцати.

— Никак не могу, — ответила я обоим, а потом всецело посвятила себя наглецу: — Эти почтенные арркей — наши студентки. Пока они все не зайдут в лекторий, ни одно из предприятий странствующей библиотеки работу не начнет. И то, куда вам назначено, — в их числе, так что вы никуда не опаздываете, а значит — вам и торопиться некуда.

— Вы пожа... студентки? Да какие они, Сотворитель прости, студентки! Они старухи, с них ржавый песок сыплется!

Я меланхолично бросила взгляд по направлению отдания его знака указания. Да, возраст наших курсисток начинался девятью десятками лет, и мы очень ценили это.

— Студентки и несколько лекторш, — холодно подтвердила я. — У нас тут курсы каллиграфии, бухгалтерского учета, основы механики ходячих домов, теория и практика строительства водных скважин, элементарной медицины и медицинской инженерии и теории управления дирижаблями.

— Какими дирижаблями? Что вы несете?! Небо покрыто каменной крошкой!

Он снова отдал знак указания, и мы оба подняли головы, глядя на тент, где уже налетело порядочно той самой каменной крошки с неба, и на месте Оутнера я бы ее ссыпала, пока она опять не накренила столбы. За тентом и крошкой находилось затянутое последствиями великого терраформирования небо, в чьих недрах где-то потерялись солнце, звезды и механическая Луна, та самая, что, технически, город.

— На курсах управления дирижаблями, — назидательно сообщила я, — наши лекторши учат нас строить маленькие аэростаты, управлять ими и за ними ухаживать. Обожаю эти курсы и очень горячо вам советую. У нас тут две отличные воздухоплавательницы.

— То есть эти клуши настолько старые?!

— Ше, арркей, мне очень нужно с вами поговорить! — снова встрял тот самый одиннадцатилетний мальчик, и я снова отодвинула его в сторону, на этот раз — физически.

Я отдала мальчику знак внимания и медленно проговорила, глядя ему прямо в глаза для большей доходчивости:

— Тебя обязательно выслушают, когда до тебя дойдет очередь. Так что просто стой здесь и жди.

После этого я стремительно разогнулась и оказалась лицом к усам этого самого, слишком много позволявшего себе, господина, коему и ответила:

— Эти «клуши» настолько сильные, что держат на своих плечах этот мир, и если фронтир и продвинется вперед, вглубь необжитых земель, то за это нужно сказать спасибо их жизнелюбию. Думаете, их учить — неблагодарное дело? Да мы много раз обучали молодежь, но эти дундуки на печи, как только начинают что-то уметь, уезжают в большие города, где и спиваются. А наши студентки остаются там, где прожили жизнь, и меняют все к лучшему! Так вас, добрый господин, куда записать: на курс этикета?

Мужчина напротив меня медитативно выдохнул в заранее провальной попытке обрести внутреннее равновесие и медленно, буквально по слогам, произнес:

— Мне сегодня назначено, — он отдал знак указания в сторону Толстой Дрю, нашей доброй странствующей библиотеки, — сюда.

— Куда «сюда»? — повела я бровью. — В библиотеку, в читальню, в свободный лекторий, в «Чайню призрачных котов», в...

— В агентство розыска книг!

— А! — обрадовалась я. — Так это вы нам писали по поводу розыска завещания вашей тетушки?

— Ага! Вот и вы! А ну стойте, где стоите, пока я вас пулей не остановил!

Я обернулась в сторону очень злобно ковылявшего на одном костыле в нашем направлении погонщика цистерн. Видок он имел, мягко говоря, взбешенный. Я не стала демонстрировать оружие, но отдала знак ожидания слегка багровеющему усатому господину, а также уже подпрыгивающему на месте от нетерпения мальчику, и сделала шаг по направлению к читателю.

— Я могу вам помочь?

— Что вы мне подсунули?! Она сломана!

Он ткнул мне прямо в нос довольно увесистым томом классической поэмы «Имя Хаоса» с комментариями. Я наклонила голову вбок, чтобы снова установить с ним визуальный контакт:

